

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Экономический факультет
Кафедра теоретической и институциональной экономики

*Ежегодные политико-экономические чтения
БГУ-2004*

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
УСТРОЙСТВА И ЭВОЛЮЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
БЕЛАРУСИ**

*Материалы и доклады научной конференции
(г. Минск, 21 мая 2004 г.)*

Часть 1

Минск
БГУ
2004

УДК 316.776(063)
ББК 60.56
И24

Редакционная коллегия:

кандидат экономических наук, доцент П.С. Лемешенко (отв.ред.),
кандидат экономических наук, доцент Н.П. Хвасеня,
кандидат экономических наук, доцент И.А. Руденков,
кандидат экономических наук, доцент М.В. Сакович

Рецензенты:

кафедра экономической теории и экономического воспитания
БГПУ им. М. Танка;
доктор экономических наук, профессор В.Л. Ключня

И24 Институциональные закономерности устройства и эволюции
социально-экономической системы Беларуси:
Материалы и доклады научной конференции (г. Минск, 21 мая 2004
г.). – В 2-х ч. / Ред.кол.: П.С. Лемешенко (отв.ред.) и др. – Мн.:
Бестпринт, 2004. - Ч. I. 352 с.

ISBN 985-6721-02-4 (Ч.1.)

В сборник вошли материалы и доклады первой научной
конференции, проведенной в Беларуси, по актуальнейшей
проблематике современности – теории и практике
институциональной экономики.

УДК 316.776(063)
ББК 60.56

© Кафедра теоретической и
институциональной экономики БГУ,
2004

ISBN 985-6721-02-4 (Ч.1.)

В.Ф. БАЙНЕВ

Парадокс неэффективного частного собственника в теории фирмы переходного периода

Проблема эксплуатации человека человеком, генетически связанная с такими категориями из разряда общечеловеческих, как добро и зло, гуманизм, справедливость и т.п., на протяжении веков и даже тысячелетий являлась одной из самых злободневных, притягательных и в то же самое время одной из наиболее запретных тем. В любые времена и в любых странах об этой проблеме не принято говорить вслух, а если об эксплуатации речь все-таки ведется, то либо исключительно в прошедшем времени, либо применительно к иным странам и другим экономическим системам.

Необходимо отметить, что в качестве весьма эффективного средства первичного монтажа, а затем маскировки и оправдания механизма эксплуатации традиционно использовалась *идеология*. Так, например, идеология рабовладельца весьма оригинально отрицала наличие угнетения, объявляя раба не человеком, а вещью, говорящим орудием труда. А поскольку раб не является человеком, то ни о какой эксплуатации человека человеком говорить не приходится. Идеология помещиков заключалась в том, что эксплуатация крестьянина облекалась в форму некоего «взаимовыгодного» сотрудничества между ним и феодалом – последний, дескать, предоставляет землепашцу землю, за что тот «по-братски» делится с помещиком произведенной продукцией. В завезенных к нам из-за океана учебниках по теории рынка, являющейся официальной идеологией современного капитализма, также нет ни единого слова об эксплуатации. В рамках данной концепции все субъекты рынка объявляются максимально свободными, причем каждый человек волен продавать (или не продавать) свои способности на рынке труда, а уж всемогущий (для некоторых – Всевышний) рынок в полном соответствии с законами спроса и предложения на данный вид производственных ресурсов

автоматически устанавливает равновесную и, следовательно, предельно «справедливую» цену. Последнее обстоятельство, по мнению апологетов рыночной экономики, позволяет вести речь о рыночной идиллии (из программы 500 дней: «рынок – это настоящее чудо») и навсегда снять с повестки дня проблемы, связанные с эксплуатацией.

В отличие от большинства других концепций и парадигм идеология марксизма не только активно использовала термин «эксплуатация», но и, на наш взгляд, исчерпывающе точно объяснила сущность этой категории применительно к ситуации, имевшей место в период времени до начала III-го тысячелетия. Апофеозом практического воплощения идей марксизма стала попытка построения общества, якобы свободного от эксплуатации. Исходной предпосылкой такого строительства явилось предположение о том, что если все вокруг (в том числе и сам продукт эксплуатации – прибыль, прибавочный продукт) принадлежит народу, то ни о каком экономическом угнетении речи идти не может.

Однако, несмотря на непопулярность и откровенное замалчивание (особенно в последнее время) проблемы эксплуатации, данное обстоятельство отнюдь не означает факта ее отсутствия. Наоборот, именно сейчас – после 2–3 десятков лет долгожданной относительно достойной жизни для большинства населения России, Украины и некоторых других постсоциалистических стран в очередной раз вновь настали экстремальные времена. Чтобы отвести все оправдания этого «экстрима» временными (кстати, длящимися уже более 15 лет) трудностями переходного к рынку периода рассмотрим проблемы эксплуатации на примере России, которая уже не является страной с переходной экономикой, поскольку ей в 2003 г. официально предоставлен столь желанный для других транзитивных экономик статус страны с рыночной экономикой. Более того, если учесть, что в России за годы реформ приватизировано всё и вся подряд и в настоящее время в этой стране осталось лишь 3,4 % государственных предприятий, то с этой точки зрения Россия – не просто рыночная, а «самая рыночная страна» мира.

Так вот, сегодня в «самой рыночной стране», вышедшей в 2003 г. на третье (после США и ФРГ) место по количеству капиталистов-миллиардеров и по данному показателю едва не ставшей самой капиталистической экономикой планеты, насчитывается более 50 млн граждан (из них не менее 10 млн человек – работающие) с доходами ниже уровня прожиточного минимума, т.е. фактически нищих. Согласно даже официальной статистике, средняя заработная плата в России, исчисленная с учетом супервознаграждений особо «талантливых» менеджеров, в 1,7 раза ниже уровня дореформенных времен. По мнению же независимых экспертов, за годы рыночного «оздоровления» реальная

заработная плата граждан России снизилась более чем в 2,5 раза [1, с. 17] и в настоящее время за тот же самый по уровню интенсивности и квалификации труд россиянин получает вознаграждение в десятки, а во многих сферах и в сотни раз меньшую, чем повсюду в индустриально развитом мире [2, с. 20].

При этом не выдерживает никакой критики настойчиво внушаемый всему миру миф о том, что россияне, белорусы, украинцы и т. д. мало зарабатывают из-за того что очень плохо работают. Простейшие расчеты показывают, что среднестатистический работник России и Беларуси на каждую единицу своей заработной платы производит в 2–3 раза больше продукции, чем, например, его американский или итальянский коллега, поскольку у нас среднелудшевой валовой внутренний продукт (ВВП) меньше в 5–6 раз, а зарплата ниже в 15–20 раз [1, с. 17]. Действительно, если сейчас в развитых странах доля заработной платы в ВВП находится на уровне 70–75 % [2, с. 20], то это означает, что среднестатистический работник любой из этих стран на каждую единицу своего заработка создаст 1,3–1,4 единицы ВВП. В Беларуси картина совершенно иная, так как при ВВП, равном 16,9 трлн BYR, и суммарном фонде оплаты труда в 6,3 трлн BYR [3, с. 141, 304], отношение этих величин свидетельствует, что белорус на каждую единицу своего заработка производит 2,69 единицы ВВП. Данный пример убедительно доказывает, что измеренная таким образом эффективность использования трудовых ресурсов в Беларуси как минимум в 2 раза выше, чем в США, Италии, Дании и т. д.

Для России последний показатель оказывается еще лучше. Согласно аналогичным расчетам академика Д. Львова, из-за беспрецедентной дешевизны рабочей силы «...на один доллар своей часовой зарплаты среднестатистический российский работник производит примерно в 3 раза больший ВВП, чем аналогичный американский... Такой высокой эксплуатации наемного труда не знает ни одна развитая экономика мира» [1, с. 17]. Поскольку россияне работают в 2–3 раза лучше американцев, немцев, англичан и т. д., а получают в десятки и сотни раз меньше (т. е. работают что называется «за похлебку»), на наш взгляд, имеет смысл вести речь не только об эксплуатации, но и о порабощении народов России (и еще около сотни других стран мира, не относящихся к категории «развитых»). Эти и многие другие итоги рыночного «оздоровления» России (беспрецедентный вывоз из страны сырьевых ресурсов и выручки от их продажи, «утечка мозгов», предельная криминализация экономики и общества, депопуляция и деградация населения) однозначно свидетельствуют о значительном усилении эксплуатации в связи с

паступлением долгожданной и столь желанной для других переходных стран рыночной идиллии.

Как это уже отмечалось, только основанная на трудовой теории стоимости марксистская идеология исчерпывающе точно, поистине с хирургической откровенностью и простотой раскрыла существенные характеристики механизма эксплуатации человека человеком. По словам самого К. Маркса, его учение – это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову эксплуататоров. Именно данное обстоятельство вызывает у отдельных социальных групп, заметно выигравших в результате грабительских реформ, наиболее непримиримое отторжение марксизма и стремление навсегда вымарать и вырвать из научной литературы страницы, где говорится о столь неприятной экономической категории. Именно поэтому «выжигание каленым железом» и «клеймение позором» марксизма стало неотъемлемой частью идеологии «новых» этносов (русских, украинцев, белорусов и т. п.).

Согласно теории прибавочной стоимости Маркса, подавляющая масса человечества, лишенная права собственности на средства производства, вынуждена «добровольно» продавать свой труд их гораздо менее многочисленным собственникам, которые, в конечном счете, устанавливают в «свободной» рыночной экономике все без исключения «правила игры». В полном соответствии с этими правилами наемник часть рабочего времени работает на себя и производит так называемый необходимый продукт, который возвращается ему в виде заработной платы. Другую часть времени он работает на собственника средств производства и производит прибавочный продукт, который составляет основу всех видов доходов капиталиста: прибыли, процентов, ренты и т. п. В итоге, с точки зрения марксистской идеологии, часть трудовой энергии наемника присваивается владельцем капитала, выступающего таким образом в роли эксплуататора.

Применительно к условиям, когда доля ручного труда в производственных процессах была велика, учение о прибавочной стоимости, несомненно, весьма точно вскрывало сущность экономического угнетения одного человека другим. Однако также очевидно и то, что применительно к условиям XXI в. в связи с бурным научно-техническим прогрессом (НТП), марксизм объективно теряет свою актуальность, поскольку наряду с беспрецедентным усовершенствованием технологий значительные изменения претерпевает и сам механизм эксплуатации. Эксплуатация, вступая вместе с цивилизацией в III тысячелетие, переходит на качественно новый уровень и главной ее особенностью в XXI-м и последующих веках, очевидно, будет тот факт, что для эксплуатации человека вовсе

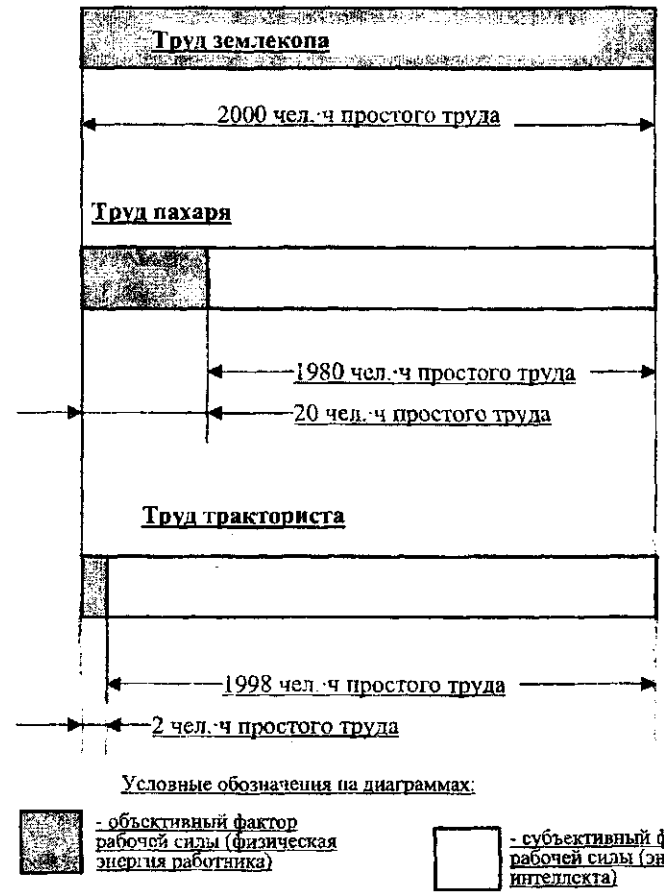
необязательно ставить его к станку или сажать за рычаги комбайна. Оказывается, человека можно эксплуатировать даже тогда, когда он вообще не работает (или делает вид, что работает) и при этом получает небольшое (и внешне как бы вообще незаработанное) «социальное пособие» для поддержания жизни, нередко даже приобретающее форму заработной платы, дивидендов, процентов и т. п. Об этом, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствуют такие факты, как снижение актуальности бывшей еще совсем недавно весьма острой борьбы работодателей и наемников по поводу увеличения (сокращения) длительности рабочего дня (недели), стабилизация и даже снижение рождаемости прежде всего в технологически развитых странах и т. п. Поскольку в странах с рыночной экономикой наблюдается тенденция к введению новых и без того многочисленных праздников (например, в России – 31 декабря, 16 апреля и др.) и их объединению в длящиеся неделями блоки нерабочих дней, то складывается впечатление, что современный капиталист в отличие от описываемой К. Марксом ситуации кровно заинтересован в том, чтобы люди как можно меньше работали...

Для объяснения и обоснования данной точки зрения на проблему эксплуатации необходимо обратиться к экономической концепции, предложенной рядом ученых Санкт-Петербургского государственного университета. Данная концепция, именуемая трудовой теорией потребительной стоимости, может быть рассмотрена в качестве дополнения и развития идей К. Маркса в части, касающейся такой экономической категории как потребительная стоимость, полезность [4].

Как известно, проблема количественного измерения потребительной стоимости (полезности), понимаемой в качестве способности удовлетворять потребности человека, в настоящее время еще не решена. Считается что полезности разнородных предметов (например, пальто и самолета) принципиально несопоставимы и, следовательно, не могут быть объективно измерены. Однако, по крайней мере, применительно к факторам производства (производственным ресурсам) эта задача с точки зрения трудовой теории потребительной стоимости оказывается вполне решаемой.

Рассмотрим следующий наглядный пример. Необходимо подготовить под посев (вспахать или вскопать) участок земли. Эту работу можно сделать тремя разными способами (рис.):

- вручную с помощью лопаты за 2000 часов (труд землекопа);
- сохой с помощью впряженной в нее лошади за 20 часов (труд пахаря);
- трактором с плугом за 2 часа (труд тракториста).

Р и с. 1. Энергетические диаграммы подготовки земли под посев землекопом, пахарем и трактористом

Приведенный пример доказывает, что по мере НТП доля физического труда работника (объективный фактор рабочей силы) стремительно уменьшается, а роль энергии интеллекта, воплощенного в орудиях труда и разумном поведении работника (субъективный фактор рабочей силы), неуклонно возрастает. С этих позиций полезность

любого производственного ресурса объективно может быть определена объемом простого (физического, мускульного) труда, который будет замещен в производственном процессе этим фактором производства. Так трактор имеет большую полезность по сравнению с сохой и тем более с лопатой по той причине, что позволяет сэкономить, заместить гораздо больше простого (физического, мускульного) труда человека. Этот пример, а также исторический анализ всего развития науки и техники, позволяют сделать вывод о том, что основным стратегическим направлением НТП, в конечном счете, является создание таких средств производства, которые все более и более вытесняли бы из производственных процессов физическую, мускульную энергию человека, заменяя ее энергией интеллекта. Возрастание роли субъективного фактора рабочей силы за счет соответствующего снижения влияния ее объективного фактора -- вот фундаментальный смысл механизации, автоматизации и информатизации производственных процессов, т. е. НТП и экономического развития в целом.

В то же время необходимо отметить, что замещение простого труда неизбежно связано с вовлечением в производственные процессы сторонних природных сил (в приведенном примере -- мускульной энергии лошади, энергии тракторного топлива), которые собственно и замещают труд человека. В конечном счете, потребительная стоимость технических факторов производства объективно может быть измерена количеством природной энергии, вовлеченной с их помощью в производственные процессы и направленной на замещение простого труда человека.

О том, что в условиях НТП природная энергия становится по-настоящему главным экономическим реагентом, свидетельствуют факты резкого обострения борьбы (в т. ч. и вооруженной) технологически развитых государств за доступ к энергоресурсам. Масштабы вовлечения в производство природных сил и замена ими живого труда сегодня однозначно определяют не только научно-технический уровень, но и место любого государства в иерархии экономически развитых стран. Неслучайно наиболее развитые в технологическом отношении США все более и более активно интересуются проблемами соблюдения прав человека и установлением демократии исключительно в энергоизбыточных регионах.

Итак, стратегическим направлением НТП и развития мировой экономики в целом является возрастание объемов природных сил, вовлекаемых в производственные процессы и направляемых на экономию, вытеснение из них живого труда человека. Цивилизация уверенно движется к тому, что в технологиях не только физическая

энергия рядового работника, но и его интеллектуальные способности в значительной мере будут замещены природными силами с помощью «разумных» машин. В итоге благодаря НТП живой труд постепенно превращается из важнейшего фактора производства во второстепенный, а в перспективе – вообще ненужный, лишний, чуждый экономике ресурс. Если еще полвека тому назад капиталист мог присваивать прибавочный продукт единственно возможным способом – путем масштабной эксплуатации труда наемных работников, то в настоящее время процесс его стремительного обогащения может весьма успешно протекать при минимальном участии наемного труда. Для этого оказывается вполне достаточным установить контроль над природными силами (энергетическими и сырьевыми ресурсами), которые с помощью техники уже сегодня весьма успешно замещают в производственных процессах миллионы человеко-часов простого труда наемных работников, создавая вместо них прибавочную стоимость и прибыль капиталистов. *А поскольку природные силы принадлежат не отдельным людям, а нации в целом, то присвоение одними людьми долей природных ресурсов, принадлежащих другим людям, эквивалентно эксплуатации последних.* Если раньше под эксплуатацией предлагалось понимать процесс присвоения одним человеком результатов труда другого, то в современных условиях, связанных со все возрастающим вытеснением из производственных процессов живого труда человека, *под экономическим угнетением следует понимать несправедливое, непропорциональное владение «общественный пирог» (с учетом как трудового участия, так и принадлежащей человеку что называется «от Бога» доли природных сил, вовлекаемых в производство) распределение прибыли.*

Необходимо указать, что для поддержания стабильности и иллюзии социальной справедливости современные капиталисты даже предпочитают выплачивать вытесненным из экономики работникам минимальные «социальные пособия» на поддержание жизни (в том числе в виде заработной платы за демонстрацию экономической активности) и организовывать для них массовые развлечения в виде занятий принципиально неэффективным малым бизнесом, бесконечных сериалов и шоу по TV, бесчисленных религиозных организаций, спаивания населения и т. п. При этом *механизм и принципы эксплуатации нового типа одинаковы во всех странах – различия заключаются лишь в величинах указанного «социального пособия»: в богатых странах оно достаточно велико и позволяет более или менее безбедно существовать, зато в бедных – исчезающе мало.*

Особенно отчетливо контуры эксплуатации XXI в. просматриваются в современной России. В то время как миллионы

здоровых и трудолюбивых граждан делают вид, что трудятся или вообще являются безработными, получая при этом незаработанное и, на первый взгляд, вообще даровое «социальное пособие» на жизнь, группа олигархов в погоне за сверхприбылью бесстыдно присваивает и эксплуатирует природные силы страны, которые принадлежат нации в целом. Так опосредованно, через эксплуатацию общенациональных недр осуществляется эксплуатация (а в перспективе – порабощение) миллионов и миллионов россиян, отстраненных от права распоряжаться своей долей природных ресурсов, вытесненных из экономики и тем самым обреченных на депопуляцию, устойчивая тенденция которой наблюдается именно в последние 10–15 лет рыночного «оздоровления» экономики [5, с. 28].

Второй важнейшей особенностью эксплуатации XXI в. является ее *межэтнический характер*, что также наиболее отчетливо проявляется в «самой рыночной стране» мира. Для конструирования механизма эксплуатации данного вида и необходимого для достижения этой цели демонтажа государства «новые» этносы (в данном случае – «новые» русские) активно использовали неоклассическую идеологию, которая с ее маргинальным подходом и концепцией равновесия, по словам Хайека, превратила экономическую теорию «в разновидность чистой логики, набор самодостаточных предпосылок, которые, подобно математике или геометрии, не подлежат никакой иной проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость» [цит. по 6, с. 118]. В рамках безраздельно господствующей в переходных странах рыночно-либеральной неоклассической парадигмы сущность экономического образования сводится к умению постигать мир забавных математических головоломок и красивых интеллектуальных игрушек, «к постижению языка математики, а суть современной экономики – к идеологическому оправданию постулатов и достоинств либерализма (изгнания государства из экономики – В. Б.) вместо объяснения механизма функционирования реальной экономики» [6, с. 103]. В настоящее время в экономической теории «преобладает подход, базирующийся на формальных доказательствах теорем в рамках сугубо математических концепций, для которого характерно чрезмерное внимание к бессмысленным абстракциям и техническим моделям как объектам анализа, абсолютно оторванным от реальности» [6, с. 103]. В итоге, по словам М. Блауга, «мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики... Она выглядит как экономика, ... в которой ... все взаимосвязи математические, все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, а имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру» [цит. по 6, с. 117].

Разумеется распространение этой новой, пришедшей на смену марксизму разновидности идеологической схоластики, ничуть не более близкой к реальности, чем старая советская политэкономия, и призванной окончательно «заморочить» головы в постсоветских странах, «связано с приходом в экономическую науку дилетантов (как правило, из числа специально «прикормленных», а затем командированных для пропаганды этой разрушительной идеологии математиков – В. Б.), некомпетентность которых в вопросах реальной экономической жизни скрывается за ширмой владения теоретическими знаниями и стремления придать авторитет своим изысканиям с помощью причудливого набора инструментов математического анализа» [6, с. 112]. За кажущейся безобидностью преподаваемых ими привлекательных математических головоломок из жизни рынка скрывается огромная разрушительная сила последних – на свободном рынке, где взаимодействуют только спрос и предложение, нет места государству и общественным интересам.

Кроме того, в то время пока основная масса населения под руководством переключившихся в экономисты математиков с благоговением училась выговаривать новомодные термины из англо-американских экономических учебников («менеджмент», «маркетинг», «инвестиции», «маржинальный анализ» и т. д.) и дрожащей от волнения рукой школяра училась строить на бумаге кривые спроса и предложения, изокванты, изокосты и т. п., ведущими финансовыми силами мира адресно, главным образом под представителей «своих», наиболее способных к бизнесу этнических групп, были выделены ресурсы для приватизации энергетики, сырьевых отраслей и других высокоэффективных предприятий. Пролоббированный этими же силами лозунг «Приватизация любой ценой» привел к тому, что предприятия приватизировались за бесценок, поскольку большинство населения России, предусмотрительно лишённое в 1992 г. своих и без того мизерных накоплений, оказалось отсечённым от этого процесса. По мнению, например, академика Н. Шмелёва, «рыночная» цена российских активов искусственно занижена в 20–60 раз и собственность досталась их новым хозяевам за 1,5–5 % их справедливой цены [2, с. 12]. В итоге граждане титульной для России национальности, которых, кстати, в стране более 82 %, поголовно стали бесправными наемниками, в то время как 80 % наиболее эффективной собственности страны оказалось в руках иных этнических групп. Вот почему подавление и немедленное возведение в ранг национализма и даже фашизма любых мыслей, взглядов и убеждений, способных пробудить национальное самосознание и чувство национальной гордости у поработанных россиян, является главной составной частью современной идеологии

экономически доминирующих в России и в мире этносов. С другой стороны, объективно существующая депопуляция (за годы рыночного «оздоровления» естественная убыль населения России составила 8 млн человек), главным образом, русскоязычного населения [5, с. 27] позволила некоторым радикально настроенным политикам и экономистам наряду с понятием «рыночного фундаментализма» ввести в обращение такие термины, как «рыночный фашизм» и даже «рыночный апартеид русских».

Новоиспеченные собственники, отработывая предоставленные им для приватизации и использованные для экономического порабощения народов России зарубежные ссуды (почему-то именуемые долгожданнами иностранными инвестициями), обеспечили масштабный экспорт в богатые страны как дешевого сырья и энергоресурсов, так и денежной выручки от их продажи. По разным оценкам, только нелегальный вывоз капитала из России за рубеж сегодня составляет 20–40 млрд. USD в год, а за весь период реформ – от 400 млрд. до 1 трлн. USD. Более того, в настоящее время постепенно набирает силу процесс передачи (также за бесценок) некогда общенародной собственности истинным хозяевам начальных капиталов, использованных для ее приватизации. Вероятно, этим объясняется тот факт, что г-н М. Фридман используя очередной расхожий миф о животворящей силе иностранных инвестиций, умудрился за 6 млрд USD продать британской «Бритиш Петролеум» российскую ТНК, нефтяные запасы которой по разным оценкам составляют от 285 до 900 млрд USD. Кроме того, на поверку оказывается, что другая крупнейшая российская нефтяная компания – «Юкос» – уже давно не является российской...

Таких примеров множество и все они позволяют вести речь не только о межэтническом, но и о *межгосударственном характере эксплуатации*, когда благодаря бессовестно организованной международной финансовой системе богатые страны за счет бедных делают еще богаче, что, кстати, и позволяет выплачивать их гражданам более высокие «социальные пособия», упоминавшиеся выше. Идеология глобализации, позволяющая ведущим экономическим державам экспортировать в бедные регионы отрицательные внешние эффекты своей хозяйственной деятельности и в обмен на ощущение (а точнее – иллюзию) причастности к чему-то великому и глобальному получать доступ к их природным ресурсам и изымать в свою пользу созданную в развивающихся странах добавленную стоимость, также является важнейшим элементом механизма межэтнической и межгосударственной эксплуатации.

Так аргентинский экономист Р. Пребиш, долгое время занимавший пост генерального секретаря ЮНКТАД, на основе эмпирического

материала рассматривает международную торговлю как особый, искусно организованный основными владельцами мировых капиталов механизм изъятия доходов из периферии в центр – от развивающихся стран в развитые [7, с. 113]. Фундаментальное теоретическое обоснование концепция неэквивалентного обмена получила в трудах французского экономиста А. Эммануэля, который пришел к выводу, что основой благосостояния западной цивилизации и, соответственно, бедственного положения стран «третьего мира» выступает регулярное присвоение богатыми странами добавленной стоимости, создаваемой на периферии [7, с. 114–116]. Особое внимание в его работах уделено раскрытию механизма изъятия и присвоения продукта, производимого в развивающихся странах. Основой указанного механизма, по его мнению, является международная мобильность капитала и искусственно созданные развитыми странами институциональные барьеры на пути межстрановой миграции рабочей силы. В результате этих причин в мировой экономике выравниваются нормы прибыли на вложенный капитал и создаются целые регионы со стабильно низкой заработной платой. Так, по оценкам А. Эммануэля, средняя заработная плата за тот же самый труд в развивающихся странах в 30 раз ниже, чем в развитых, причем поправка на интенсивность и квалификацию труда сокращает этот разрыв до 15 раз. Согласно концепции этого ученого искусственно поддерживаемая на низком уровне заработная плата является источником неэквивалентного обмена и обогащения стран Запада за счет бедных регионов планеты и соответственно кризисных процессов в жестоко эксплуатируемых странах «третьего мира».

Дальнейшее совершенствование теории кризисного развития периферийных стран получила в трудах С. Амина, Ш. Мишале, Ф. Айдало и др., которые склонны видеть причины кризисов переходных стран в деятельности транснациональных корпораций (ТНК) [7, с. 116–120]. По их мнению, в то время как неоклассические рецепты экономики навязывают нам дезинтеграцию приватизируемых предприятий и народнохозяйственных комплексов под благовидным предлогом создания конкурентной среды и воспевают преимущества малых форм бизнеса, международный рынок давно уже монополизирован безраздельно господствующими в мировой экономике ТНК, с которыми вряд ли в состоянии конкурировать индивидуальные предприниматели, кооперативы и малые предприятия. Закономерный итог таких рыночных реформ – неконкурентоспособность отечественных предприятий, спад объемов производства, социально-экономический кризис, экономическое порабощение.

Окончательное оформление идея кризисного периферийного развития получила в концепции мир-экономики И. Валлерстайна,

который вину за отсталость государств «третьего мира» полностью возложил на обеспечившие себе чрезмерный уровень потребления страны «золотого миллиарда» [7, с. 120–122]. По его мнению, именно «...высокоразвитые страны первого эшелона так руководят системой мирового хозяйства, что отсталые просто обречены оставаться отсталыми: их сырьевые ресурсы покупают по заниженным ценам, а продают им продукты высоких технологий – по завышенным; их не допускают к передовым технологиям; из них выкачивают не только капиталы, но даже и «мозги». Одним словом «аристократы» первого эшелона не только не намерены подавать руку помощи тем, кто пытается их догнать, но, наоборот, «бьют по рукам» тех, кто пытается ухватиться за поручни этого передового экспресса» [7, с. 121].

Все это, на наш взгляд, убедительно доказывает, что сегодня проблема эксплуатации актуальна как никогда, поскольку сейчас она сопоставима с задачами выживания целых народов и государств. И хотя обозначение проблемы еще не означает ее решения, замалчивание этого вопроса также недопустимо, поскольку таит в себе прямую угрозу национальной безопасности целого ряда государств и народов.

Литература

1. *Львов Д. С.* Будущее России: гражданский манифест // *Белорусский экономический журнал*. 2003. № 4. С. 15–30.
2. *Шмелев Н. П.* Некоторые ключевые российские вопросы, ответа на которые пока нет / *Стратегия выбора, выбор стратегии: Материалы науч. конф.* – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 10–22.
3. *Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2002 (Стат. сб.).* Минстат Республики Беларусь. Минск, 2002. – 611 с.
4. *Байнев В. Ф.* Полезностная парадигма социально-экономических наук как важнейший этап реконструкции знаний XX в. и методологическая основа интеграционных процессов в современной науке / *UNIVERSITAS: Наука в контексте современной культуры: Междисципли. сб. науч. тр. ученых СПбГУ.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 301–314.
5. *Львов Д. С.* Будущее России: гражданский манифест // *Белорусский экономический журнал*. 2003. № 3. С. 18–31.
6. *Тумлянович М.* Формализм, экономическое образование и экономическая наука // *ЭКОВЕСТ*. № 1. Вып. 3. 2003. С. 102–123.
7. *Нуреев Р. М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 240 с.